

Медленно погас последний аккорд, последний звук. И дирижер устало опустил свою палочку. Огромный занавес тяжело и торжественно сдвинулся, отделив сцену от зала. А в зале было темно и пусто. Только на маленьком столике, стоявшем в проходе, неярко горела настольная лампа. И два человека неподвижно сидели возле нее — режиссер и художник. Они сейчас видели свою работу — новый спектакль.

А там, за кулисами, режиссеры и костюмеры отбирают у актеров оружие, голо-

конце, одной фразой, так сказать, художник не мешал спектаклю...

— Леонид Сергеевич, а из чего, собственно, складывается ваша работа в театре?

Он разводит руками.

— Вот смотрите.

Смотрю.

На стенах мастерской десятки эскизов: полководцы, рабы, короли, стражи, служанки, волшебники, солдаты, лебедеи... Десятки и сотни костюмов, оказывается, делает художник для каждого спектакля (каждый костюм в свою очередь требует многих и

работываешь цвет, фасон, каждого костюма, а в сумме получаешь на сцене какую-то цветовую гамму, какое-то общее решение...

Леонид Сергеевич рассказывает, для большей наглядности чертит на случайном листке бумаги онегинский фрак или план-планшет сцены, или подвижную тележку-фуруку (вот что, оказывается, означает этот мудреный термин!), на которой в нужный момент будут выкатываться на сцену фрагменты декораций.

Двадцать лет работы в одном театре — уж не ярчайшее ли это доказательство влюбленности в свое дело?! Или, например, семьдесят с лишним спектаклей, возникших в творческом воображении художника и увидевших свет рампы за эти два десятка лет... Двадцать с лишним лет назад, он, выпускник Харьковского художественного института, ученик заслуженного деятеля искусств Д. П. Овчаренко, пришел в театр. Тогда он только мечтал о работе над балетными и оперными спектаклями... У своего учителя принял Леонид Сергеевич эстафету — вслед за ним стал главным художником театра. Помните слова поэта: «Художник, воспитай ученика...»? Кроме опер и балетов, классических и только лишь явленных миру, еще и спектакли в театрах драматических, и в Харьковском кукольном, где начинался художник Братченко, и многочисленных концерты... Работа его по достоинству отмечена высоким званием заслуженного деятеля искусств УССР.

Медленно, значительно медленнее, чем хотелось бы, поднимается неподалеку от старого здания оперного театра новое. Леонид Сергеевич гордится этим еще не построенным зданием, где работа художника будет сплошным удовольствием: запроектированы там и особые гидравлические устройства, позволяющие менять рельеф сцены, понижать и повышать отдельные ее участки, и будет автоматика, поднимающая и опускающая декорации, убирающая их, и совершенно сказочное в сравнении с ныне существующим электрооборудование — словом, сказка да и только!

А пока...

Леонид Сергеевич радостно улыбается. Очень сложный, очень серьезный и ответственный

новый спектакль — опера Ю. Мейтуса «Молодая гвардия», — посвященный XXV съезду КПСС, только что сдан театром. Эта работа уже позади. Позади поездки в Киев к композитору, в Краснодар, в музей «Молодой гвардии». Позади наброски, эскизы, выкраски, монтировочные, световые, оркестровые, генеральные репетиции, позади уже премьеры... Спектакль живет.

Закончена работа и над балетом «Испанские миниатюры». Поставил спектакль балетмейстер Вiana Гомес де Фонсеа Херардо — конечно же, испанец! Беспокойный человек, фанатично влюбленный в свою страну, с которой его разлучили фашисты.

— Он душу из меня вынимал, — так говорит Леонид Сергеевич, — в каждую мелочь вникал. Молодец! Всех зажег, всех заставил быстрее двигаться, думать, работать... Я вот сколько спектаклей с испанским колоритом оформил, сколько костюмов придумал, а поди ж ты, оказывается, кроили мы юбки для танцовщиц неверно! Херардо показал: не так оборки пришивали, поэтому не тот эффект в танце получается.

Пусть простят меня меломаны, если я скажу, что смотрел оперу. Оперу, конечно, не смотрят, оперу слушают. Но разве мы не уносим в память зрительный образ спектакля, разве не раздражаете подчас зрительный зал аплодисментами в адрес художника? А художник и балет — это особая тема, ибо балета без художника нет просто-напросто.

Хочу открыть читателям маленькую тайну: на подмакетнике, точной копии сцены театра, я видел могучих русских воинов и красных девиц, видел огромное солнце, подвешенное на поперечной планке-штанкете, видел, как сияющий диск солнца одним движением штанкета превращают в диск черный... И вот уже началось солнечное затмение над лесом копий игрового рати... Художник работает над спектаклем, о котором пока еще не знает никто.

Харьковскому театру оперы и балета в эти дни исполнилось полвека. Славная дата! Двадцать лет из этих пятидесяти Леонид Сергеевич Братченко дарит нам на этой сцене зримую радость искусства.

А. ЖИТНИЦКИЙ,
искусствовед.

МАСТЕРА. ИСКУССТВ ЗРИМАЯ РАДОСТЬ

ные уборы, костюмы и складывают их бережно в огромные сундуки. Рабочие поднимают и опускают куски стен, металлические конструкции, деревья. Режиссер уже прошел на сцену и оживленно разговаривает с актерами. А художник говорит в микрофон прямо из зала своим помощникам, работающим за кулисами:

— Опустите второй штанкет... Второй! И фуруку уберите...

И, наверное, опускается штанкет и убирается фурука. Проверить это я не могу, так как толком не знаю, что такое фурука и что такое штанкет... Да и вообще, что мы, зрители, знаем о работе художника театра. Очень мало, почти ничего. В рецензиях на новые спектакли художников обычно упоминают, но, как правило, где-то в самом конце: «...художник продемонстрировал интересное решение...» Или что-то в этом роде.

Леонид Сергеевич Братченко, главный художник Харьковского государственного академического театра оперы и балета имени Н. В. Лысенко, выслушав меня, улыбается:

— Верно, так и пишут — в

многих вариантах...). Тут же, в мастерской, эскизы декораций, тут же и сцена театра — копия, конечно, точный макет. На ней, этой игрушечной сцене, художник прикидывает декорации будущего спектакля. Огромные полотна-задники, образующие фон. Пробует освещение, расставляет пса бумажные фигурки действующих лиц, вчерне решает костюмы. Ведь на оперно-балетной сцене царит большей частью история. Значит, нужно перевернуть горы альбомов, книг, гравюр... Нужно дать различным театральным цехам точные и четкие рисунки, по которым делаются буд-дут дворцы и кринолины, оружие и обувь, утварь и парики. Нужно решить фасон и цвет каждого костюма.

— И сделать выкраски, — говорит Леонид Сергеевич.

— Что сделать, простите?

— Попросту говоря, выкраска — это образец расцветки ткани, эталон для красильщика. Ведь не всегда в продаже можно найти ткань нужной расцветки. А цвет для костюма — это все. Я очень люблю работать над костюмами, особенно массовыми — для хора, для кордебалета. Раз-

Красное знамя
г. Харьков

1 1 ЯНВ 1976